

Кобо
Абэ

Чужое
лицо

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
А 17

Kobo Abe
THE FACE OF ANOTHER
Copyright © 1964 by Kobo Abe
Russian translation rights arranged with the Estate of Kobo Abe
through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo
All rights reserved

Перевод с японского Владимира Гривнина
Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-31079-7

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука*

Ты все-таки доверилась полученному от него плану и, преодолев запутанный лабиринт, пришла в это убежище, ты наконец пришла. Несмело ступая, ты поднялась по лестнице, поскрипывающей, как педали органа; вот и комната. Затаив дыхание, постучала — на стук никто не отозвался. Зато вприпрыжку, как котенок, подбежала девочка и открыла тебе дверь. Ты окликнула ее, пытаясь узнать, не передавал ли он тебе что-нибудь, но девочка только улыбнулась и, ничего не ответив, убежала.

Тебе был нужен он, и ты заглянула в дверь. Но не увидела его, не увидела ничего, что напоминало бы о нем, — мертвая комната, в которой, казалось, никто никогда не жил. Вид голых стен заставил тебя вздрогнуть. Сперва ты собиралась уйти, хотя чувствовала себя виноватой, но тут тебе попались на глаза три тетради, лежащие на столе, а рядом — письмо. И ты сообразила, что все-таки попала в ловушку. Но какие бы горькие мысли ни пришли тебе в голову в эту минуту, все равно —

соблазн непреодолим. Дрожащими руками разрываешь конверт и начинаешь читать письмо...

Наверное, ты почувствовала злость; наверное, ты почувствовала обиду. Но я выдержу твой взгляд, жесткий, как до предела сжатая пружина: больше всего на свете я хочу, чтобы ты продолжала читать. У меня нет никакой надежды, что, прочитав все это, ты сможешь возвратиться ко мне. Я уничтожил его. Или это он уничтожил меня? Так или иначе, занавес в трагедии масок опустился. Я убил его, признал себя преступником и хочу во всем сознаться. И я хочу, чтобы ты продолжала читать, хотя бы из великодушия. Тот, кому дано право казнить, обязан выслушать показания обвиняемого. Так просто отвернуться от меня, стоящего перед тобой на коленях, — ведь тогда тебя не заподозрят в том, что и ты соучастница преступления. Ладно, садись, чувствуй себя как дома. Если в комнате душно, открой окно. Чайник и чашки, если понадобятся, на кухне. Как только ты удобно усядешься, это убежище, запрятанное в конце лабиринта, превратится в зал суда. И пока ты знакомишься с показаниями, я, чтобы сделать конец трагедии масок еще более достоверным, буду ждать, ждать сколько угодно, латая прорехи в занавесе. Да и одни воспоминания о нем не дадут мне скучать.

Итак, возвратимся к тому, что произошло со мной совсем недавно, утром, за три дня до того момента, который для тебя «сейчас». В ту ночь ве-

тер, смешанный с дождем, в котором словно растворили мед, сотрясал жалобно стонавшее окно. Весь день я обливался потом, а когда зашло солнце, захотелось погреться у огня. Газеты писали, что холода еще вернутся, но, как бы то ни было, дни стали длиннее, и едва кончится этот дождь, сразу почувствуешь, что наступило лето. Стоило подумать об этом — и сердце начинало тревожно биться. В нынешнем моем положении я похож на беззащитную перед жарой фигурку из воска. При одной мысли об ослепительном солнце вся кожа покрывается волдырями.

Вот почему я решил любым способом покончить со всем, пока не наступило лето. По долгосрочному прогнозу, в течение трех-четырёх дней с материка распространится высокое атмосферное давление и возникнут метеорологические явления, характерные для лета. Мое единственное желание — за три дня закончить приготовления для встречи с тобой и сделать так, чтобы ты начала читать это письмо. Нельзя сказать, что три дня — достаточный срок. Как ты понимаешь, показания, о которых я упоминал, — три исписанные убористым почерком тетради, охватывающие события целого года. В день я должен обработать по тетради: добавлять, вычеркивать, переделывать и оставить тебе текст в том виде, который бы удовлетворил меня, — труд поистине огромный. Я настроился на работу и, купив на ужин пирожки с мясом, обильно сдобренным чесноком, вернулся сегодня домой часа на два раньше обычного.

Ну и какой же результат?.. Отвратительный... Я вновь ощутил, к чему может привести убийственный недостаток времени. Пробежал написанное и почувствовал омерзение к себе — записки выглядят почти как попытка оправдаться. Но такое неизбежно в эту гибельную, залитую дождем ночь, когда промозглая сырость тревожит душу. Не стану отрицать — финал трагедии выглядит достаточно жалким, но я все-таки уверен, что искал выход из положения всеми доступными мне средствами. Без этой уверенности я вряд ли взялся бы за свои записки столь рьяно, независимо от того, послужат они подтверждением алиби или, наоборот, вещественным доказательством виновности. Я до сих пор, несмотря на то что нелегко признать свое поражение, твердо убежден в одном: лабиринт, в который я сам себя загнал, был неизбежен, как Страшный суд. Но не стоит ожидать, что в моих записках прозвучит жалобный, молящий о пощаде голос, похожий на голос приبلудной кошки, запертой в комнате. Хотя не знаю, удастся ли мне, забыв, что я располагаю всего тремя днями, привести записки в такой вид, чтобы они меня удовлетворили.

Ну хватит. Настал момент, когда я твердо решил рассказать обо всем откровенно, — ощущение, точно в горле застрял непрожеванный кусок жилистого мяса, стало для меня невыносимым. Если те страницы, которые взывают о пощаде, не тронут тебя и ты их только пролистаешь — ну что ж.

Ты, например, не переносишь визга электрической дрели, шуршания тараканов, скрежета гвоздя по стеклу. Но вряд ли можно сказать, что это самое важное в жизни. Почему визг электрической дрели — понять можно: он, видимо, ассоциируется с бормашиной. Два же других звука вызывают — не назовешь иначе — какую-то нервную сыпь. Но мне еще не приходилось слышать, чтобы сыпь была опасна для жизни.

Однако всему есть мера, пора, пожалуй, остановиться. Сколько ни нагромождай оправданий — они ни к чему. Куда важнее, чтобы ты не бросила на полдороге это письмо — мое время кончается, оно накладывается на твое настоящее, — а потом перешла к чтению записок... Я буду неотступно следовать за течением твоего времени, читай их не отрываясь до последней страницы...

Сейчас ты уже, наверное, успокоилась? Чай в низкой зеленой банке. Кипяток — в термосе.

Прежде всего — последовательность тетрадей по цвету обложек: черная, белая, серая. Между цветом и содержанием нет, конечно, никакой связи. Я выбрал их наугад, просто чтобы легче было различать.

* * *

Начну, пожалуй, с рассказа об убежище. Да, собственно, какая разница, с чего начать. Легче всего начать рассказ с того самого дня. Это было примерно полмесяца назад, когда я сказал тебе, что должен уехать на неделю по служебной надобности. Моя первая поездка в другой город с тех пор, как я вышел из больницы. Я думаю, ты тоже запомнила этот день. Я придумал и цель поездки — проверить, как идет строительство завода типографской краски в Осаке. Первое, что пришло мне в голову. На самом же деле с того дня я укрылся в доме S. и стал готовиться к осуществлению своего плана.

В тот день я записал в своем дневнике:

«26 мая. Дождь. Посетил дом, указанный в газетном объявлении. Увидев мое лицо, девочка, игравшая во дворе, заплакала. Решил остановить выбор на этом доме — место прекрасное, расположение квартиры почти идеальное. Бодрит запах нового дерева и краски. Соседняя квартира как будто еще не занята. Хорошо бы и ее снять, но...»

Но я не собирался скрываться в доме S. под чужим именем, не собирался выдавать себя за другого. Это, может быть, покажется неразумным, но у меня был свой расчет. С моим теперешним лицом нечего было даже пытаться кого-то обмануть. Действительно, игравшая у подъезда девочка, по виду школьница, едва увидев меня, расплакалась, как будто вспомнила страшный сон. Правда, управляющий, стараясь как можно лучше обслужить клиента, был невообразимо приветлив...

Но приветлив был не только управляющий. Как это ни печально, почти все люди, встречавшиеся со мной, были приветливы. И поскольку их не тянуло слишком глубоко вникать в мои дела, каждый старательно улыбался. И это понятно. Они не решались взглянуть мне прямо в лицо, так что им приходилось кланяться и улыбаться. Зато я имел возможность избежать бессмысленных расспросов. Окруженный непреодолимой стеной приветливости, я всегда был совершенно одинок.

Дом только что построили, так что примерно половина из его восемнадцати квартир еще не была занята. Управляющий, сделав понимающее лицо, без всякой моей просьбы выбрал самую дальнюю квартиру на втором этаже, рядом с черной лестницей. Внешне, во всяком случае, он был чрезвычайно любезен. Квартира мне понравилась, хотя бы потому, что ее выбрали для меня специально. Разумеется, там была и ванная, а в комнате стояли, хотя и не особо изысканные, стол и два стула, да к тому же она в отличие от других квартир имела эркер, очень большой — почти как застекленная терраса. Черная лестница вела к стоянке для пяти-шести машин, а оттуда можно было выйти на другую улицу. Это, конечно, очень удобно и еще больше повышало ценность квартиры. Я должен был с самого начала все предусмотреть и потому сразу же заплатил за три месяца вперед. Потом я попросил купить мне в ближайшем магазине постельные принадлежности. Управляющий, изображая безмерную радость, болтал без умолку, рассказывая, как хорошо устроена вентиляция и какая квартира солнечная. А покончив с этой темой, готов был уже перейти к рассказу о своей жизни. Но к счастью, отдавая мне ключ от квартиры, он случайно разжал пальцы и ключ со звоном упал на пол. Управляющий в замешательстве ретировался. Я вздохнул с облегчением... Как было бы хорошо, если бы с людьми всегда вот так легко можно было содрать налет лжи.

Стемнело, и я уже не мог разглядеть собственных пальцев, даже поднеся руку к самым глазам. Комната, которая не знала еще человеческого тепла, была безжизненно-холодной и неприветливой. Но она казалась мне лучше, чем приветливые люди. К тому же, с тех пор как случилось это несчастье, я больше всего полюбил темноту. Правда, как было бы хорошо, если б все люди на земле вдруг лишились глаз или забыли о существовании света. Наконец-то удалось бы достигнуть единодушия относительно формы. Все согласились бы, что хлеб — это хлеб, независимо от того, треугольный он или круглый... Да вот, например, как было бы хорошо, если б та маленькая девочка, еще не видя меня, зажмурилась и услышала только мой голос. Тогда, может быть, мы привыкли бы друг к другу, стали друзьями — вместе ходили в парк, ели мороженое... И только потому, что всюду лез этот назойливый свет, девочка ошиблась, приняв треугольный хлеб не за хлеб, а за треугольник. То, что называют светом, само по себе прозрачно, но все предметы, попадая в его лучи, становятся непрозрачными.

Однако свет все же существует, и тьма — это лишь строго ограниченная временем отсрочка исполнения приговора. Когда я открыл окно, в комнату, как клуб черного пара, ворвался пропитанный дождем ветер. Захлебнувшись им, я закаш-

лялся, снял темные очки и вытер слезы. Электрические провода, верхушки столбов, карнизы домов, выстроившихся в ряд вдоль широкой улицы, слабо поблескивали, когда белый свет фар пронесившихся мимо автомобилей скользил по ним, точно чертя мелом по черной доске.

В коридоре послышались шаги. Привычным движением я снова надел очки. Из магазина принесли постельные принадлежности, которые я заказал через управляющего. Деньги я подсунул под дверь и попросил оставить покупки в коридоре.

Итак, приготовления к старту как будто закончены. Я разделся и открыл платяной шкаф. В створку с внутренней стороны было вделано зеркало. Я снова снял очки, сбросил повязку и, пристально вглядываясь в зеркало, начал разбинтовывать лицо. Обмотанные в три слоя бинты насквозь пропитались потом и стали вдвое тяжелее, чем утром, когда я их наматывал.

Как только я освободил лицо от бинтов, на него выползли полчища пиявок — багровые, переплетающиеся келоидные рубцы... Что за отвратительное зрелище!.. Но это повторяется каждый день, как урок, — пора бы привыкнуть.

Меня еще больше разозлил мой, казалось бы беспричинный, испуг. Если вдуматься — не имеющая никаких оснований, неразумная чувствительность. Стоит ли поднимать такой шум из-за какой-то оболочки человека, да еще из-за ее небольшой части — кожи лица? Честно говоря, подобный

предрассудок, устоявшийся взгляд ничуть не удивителен. Например, вера в колдовство... расовые предрассудки... безотчетный страх перед змеями (или тот же болезненный страх перед тараканами, о котором я уже писал)... Вот потому-то не прыщавый желторотый юнец, живущий иллюзиями, но даже я, заведующий важной лабораторией в крупном институте и накрепко, чуть ли не корабельным канатом привязанный к обществу, страдал от охватившей меня душевной аллергии. Прекрасно сознавая, что нет никаких оснований для особой ненависти к этому обиталищу пиявок, я ничего не мог поделать с собой и испытывал к нему непреодолимое отвращение.

Я, разумеется, предпринимал бесчисленные попытки преодолеть себя. Чем пройти мимо, отвернувшись, гораздо лучше посмотреть правде в глаза и привыкнуть к своему положению раз и навсегда. Если сам перестанешь обращать внимание, другие поступят так же. Несомненно. Исходя из этого я и в институте стал часто говорить о своем лице. Я, например, с наигранной веселостью сравнивал себя с чудовищем в маске, которое показывают в телевизионных мультфильмах. Говорил с той же наигранной веселостью, как удобно видеть и не быть видимым, когда можешь подсматривать за другими, от которых выражение твоего лица скрыто. Самый быстрый способ привыкнуть самому — приучать других.

Такой результат был, пожалуй, достигнут. Очень скоро в лаборатории я уже не чувствовал прежней напряженности. Дошло до того, что чудовище в маске тоже перестало быть пугалом и в бесконечном его появлении на экранах телевизоров и в комиксах мои товарищи стали даже усматривать определенный резон. Безусловно, маска, если, конечно, под ней не скрываются пиявки, имеет свои удобства. Если облачение тела в одежды знаменует прогресс цивилизации, то вряд ли можно быть гарантированным от того, что в будущем маска не станет самой обыденной вещью. Даже теперь маски часто используются в религиозных обрядах, на празднествах, и я затрудняюсь дать этому факту исчерпывающее объяснение, но мне представляется, что маска, видимо, делает взаимоотношения между людьми значительно более универсальными, менее индивидуальными, чем когда лицо открыто...

Вначале я верил, что положение хоть и медленно, но все же улучшается. Однако тогда я еще не представлял себе, сколь ужасно мое лицо. А все это время под бинтами продолжалось непрерывное наступление пиявок. Обмораживание жидким воздухом не поражает так глубоко, как ожог, и, следовательно, заживление должно идти сравнительно быстро. Однако вопреки уверениям врачей, сокрушив все возможные оборонительные рубежи — прием теразина, инъекции кортизона,

радиотерапию, — орды пиявок, бросая в бой все новые и новые силы, расширяли и без того обширный плацдарм на моем лице.

Однажды, например... Это случилось в обеденный перерыв, я как раз возвратился с совещания, на котором обсуждалась наша совместная работа с другими лабораториями. Молодая лаборантка, только что окончившая институт, подошла ко мне, перелистывая страницы книги, всем своим видом показывая, что хочет мне что-то сказать. «Посмотрите, сэнсэй¹, какая забавная картинка». В книжке, которую она мне со смехом протянула, под ее тоненьким пальчиком был рисунок Клее «Фальшивое лицо». Лицо, расчерченное параллельными горизонтальными линиями, если присмотреться, казалось обмотанным бинтами. Оставались лишь узкие щелочки для глаз и рта — все это безжалостно подчеркивало отсутствие в лице всякого выражения. Я неожиданно почувствовал себя глубоко уязвленным. У девушки не было, конечно, злого умысла. Я ведь сам сознательно своими разговорами спровоцировал ее на такой поступок. Ничего, успокойся!.. Если раздражаться из-за подобного пустяка, то все мои усилия будут лопаться, как пузырьки на воде... Так я уговаривал себя, но вынести этого не мог — рисунок даже начал казаться мне моим собственным лицом, каким оно

---

¹ Сэнсэй — вежливое обращение к старшему, уважаемому человеку. — *Здесь и далее примеч. перев.*

представляется девушке... «Фальшивое лицо», каким его видят другие, лишенное возможности открыть себя... Меня мучила мысль, что девушке я кажусь именно таким.

Неожиданно для себя я выхватил у нее книжку и разорвал пополам. Вместе с ней разорвалось и мое сердце. И из него, точно из протухшего яйца, хлынула переполнявшая меня горечь. Я растерянно собрал разорванные страницы и с извинениями вернул их девушке. Но было уже поздно. Раздался звук, который в обычных условиях невозможно услышать: такой свистящий шорох слышен, когда в термостате изгибается металлическая пластинка. Должно быть, испуганная девушка изо всех сил сжала под юбкой колени.

* * *

Возможно, я еще не осознал всего, что скрывалось за моей тогдашней тоской. Буквально физически ощущая муки стыда, я все же не мог точно определить, чего же, собственно, я так стыжусь. Нет, пожалуй, если б захотел, то смог бы, но я инстинктивно избегал смотреть правде в глаза и спасался в тени избитой, банальной фразы: подобное поведение недостойно взрослого человека. Я всегда был убежден, что в жизни человека лицо не должно занимать такое большое место. Значимость человека в конечном счете нужно измерять содержанием выполняемой им работы, а это свя-

зано с уровнем интеллекта, лицо же тут ни при чем. И если из-за того, что человек лишился лица, его общественный вес уменьшается, причиной может быть лишь одно — убогий внутренний мир этого человека.

Однако вскоре... Да, через несколько дней после случая с рисунком... Волей-неволей я стал все яснее сознавать, что удельный вес лица значительно больше, чем я наивно предполагал. Осознание этого факта пришло внезапно. Все мое внимание было поглощено подготовкой к защите от внешнего мира, поэтому я был застигнут врасплох, сражен наповал. Причем случилось это столь резко и неожиданно, что я не сразу осознал свое поражение.

Как-то раз, вернувшись вечером домой, я ощутил непреодолимое желание послушать Баха. И не то чтобы я не мог жить без Баха — просто мне показалось, что не джазовая музыка или Моцарт, а именно Бах лучше всего подходит, чтобы привести в порядок мои расшалившиеся нервы. Я не такой уж тонкий ценитель музыки — скорее ревностный ее потребитель. Когда работа не клеится, я выбираю музыку, способную победить соответствующее нерабочее настроение. Если мне нужно на какое-то время прервать размышления — зажигательный джаз; если надо напряженно поработать — раздумчивый Барток; если хочется почувствовать себя свободным — струнный квартет Бетховена; если нужно на чем-то сосредоточить-

ся — нарастающий по спирали Моцарт; ну а Бах — прежде всего когда необходимо обрести душевное равновесие.

Но вдруг меня охватило сомнение — не спутал ли я пластинку. А может, проигрыватель неисправен? Потому что мелодия была ни на что не похожа. Такого Баха я еще никогда не слышал. Бах — бальзам, врачующий душу, но то, что я услышал, не было ни ядом, ни бальзамом, а бесформенным комом глины. Все до единой музыкальные фразы казались мне лишеными смысла, тусклыми, словно вываленные в пыли приторные леденцы.

Это случилось как раз в тот момент, когда ты с двумя чашками чая вошла в комнату. Я ничего не сказал, и ты, видимо, решила, что я погружен в музыку. Ты тут же тихонько вышла. Значит, это я сошел с ума! И все равно я не мог поверить в это... Неужели изуродованное лицо способно влиять на восприятие музыки?.. Сколько я ни вслушивался, умиротворяющий Бах не возвращался, и мне не оставалось ничего другого, как примириться с этой мыслью. Вставляя сигарету в щель между бинтами, я нервно спрашивал себя, не потерял ли я еще чего-то вместе с лицом. Моя философия, касающаяся лица, кажется, нуждалась в коренном пересмотре.

Потом, точно из-под ног вдруг выскользнул пол времени, я погрузился в воспоминания тридцатилетней давности. Случай, о котором я с тех пор ни разу не вспоминал, внезапно предстал передо

Абэ К.

А 17 Чужое лицо : роман / Кобо Абэ ; пер. с яп. В. Гривнина. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Изыщная классика Востока).

ISBN 978-5-389-31079-7

«Чужое лицо» — признанный шедевр Кобо Абэ, японского мастера глубокой и парадоксальной философской прозы. Безымянный герой романа и рассказчик — ученый, пострадавший при взрыве в лаборатории. Он пытается скрыть свои ожоги, страхась одиночества и отчуждения, и направляет свои усилия на создание реалистичной маски, которая снова сделала бы его частью мира людей с нормальными лицами. Но, надев ее, ученый вдруг понимает, что это не он использует маску, а маска использует его, провоцируя на весьма странные желания и поступки и постепенно меняя личность. Страх утраты себя и страх быть отвергнутым, бесконечный поиск истинного «я» порождают не менее взрывоопасную смесь, чем та, что обожгла его настоящее лицо.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

КОБО АБЭ

ЧУЖОЕ ЛИЦО

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.12.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-CEL-40298-01-R